

**Р.М. Харитонов^{1, 2}, И.Е. Воробей³, В.Ю. Мясников⁴,
А.Ю. Федорченко¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия

³Магаданский областной краеведческий музей
Магадан, Россия

⁴Администрация Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Пластина ламеллярного шлема из фондов Магаданского областного краеведческого музея

В статье рассматривается железная пластина из Магаданского областного краеведческого музея. находка представляет собой часть погребального инвентаря древнего корякского трупосожжения, зафиксированного на р. Кукваям (левый приток р. Парень). Приведены основные размеры пластины, характеризуется ее морфология, особенности ее оформления. Время бытования пластины датируется серединой XVIII – началом XIX в., от начала широкого применения железа у населения крайнего Северо-Востока Азии для изготовления доспехов до ухода их из употребления в качестве средства защиты. Приводятся аналогии из железа и рога, хранящиеся в музеях Северо-Востока Азии и Дальнего Востока, зафиксированные у коряков, чукчей и, возможно, ительменов. Установлено, что пластина является частью тульи узкопластинчатого ламеллярного шлема, наиболее распространенного у чукчей и коряков. Отмечается наличие «штампованного» ребра жесткости, характерного для центральноазиатских предметов. Приводятся данные специалистов о распространении ламеллярных шлемов у народов Азии, из которых следует, что узкопластинчатые наголовья наиболее характерны для сяньби и чжурчжэней – средневекового населения Приамурья. Анализируются форма пластины и конструкции аналогичных шлемов, приведено сравнение с деталями шлемов из Корсаковского могильника VI–XI вв. На основе этого делается вывод о возможной связи ламеллярных шлемов крайнего Северо-Востока Азии и чжурчжэньских образцов в древности, при господстве костяных доспехов у коряков, чукчей, тунгусов, тогда как появление железных ламеллярных шлемов связано с распространением русского железа. Полученные результаты требуют более глубокого анализа на основе дальнейшего изучения формы пластин, определения основных тенденций их развития и сопоставления с историческими данными.

Ключевые слова: ламеллярный шлем, металлическая пластина, коряки, чукчи, Северо-Восток Азии, сяньби, чжурчжэни, Приамурье, защитное вооружение.

**R.M. Kharitonov^{1, 2}, I.E. Vorobey³, V.Y. Myasnikov⁴,
A.Y. Fedorchenko¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia

³Regional Museum of Local Lore Magadan
Magadan, Russia

⁴Administration of the Head of the Republic of Buryatia and the Government of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia

E-mail: winteralex2008@gmail.com

Lamellar Helmet Plate from the Collection of the Museum of Local Lore in Magadan

The article presents the results of the analysis of an iron plate from the Magadan Regional Museum of Local Lore. The find is part of the burial inventory of a Koryak cremation site on the Kukvayam River (left tributary of the Paren River). We provide

the main dimensions of the plate and describe its morphology and design specifics. The plate is dated to the mid-18th – early 19th century, the period comprises the early widespread use of iron among the population of the extreme Northeast of Asia in the armor production until withdrawal of such helmets from use as a means of protection. The parallels of iron and antler items attributed to the Koryak, Chukchi and possibly Itelmen Cultures and deposited in museums of Northeast Asia and the Far East. It has been established that the plate is part of the crown of a narrow-plate lamellar helmet that was most commonly used by Chukchi and Koryaks. The ‘stamped’ stiffening rib characteristic of Central Asian object is noteworthy. The data on the distribution of lamellar helmets among the peoples of Asia are analyzed; it suggests that narrow-plate helmets are most typical of the Xianbei and Jurchens, as well as the medieval population of the Amur region. The plate shape and design of similar helmets are analyzed and compared with the details of helmets found in the Korsakov cemetery of the 6th–9th centuries. On this basis, it has been inferred on the possible links between the lamellar helmets of the extreme northeast of Asia and the Jurchen pieces in antiquity, when the Koryak, Chukchi, and Tungus armor was dominated by bone objects, while the appearance of iron lamellar helmets is associated with the spread of Russian iron. The derived data require a more detailed analysis, based on further study of the shape of the plates, determination of the main trends in their development and comparison with historical data.

Keywords: lamellar helmet, metal plate, Koryaks, Chukchi, Northeast Asia, Xianbei, Jurchen, Amur region, protective weapons.

Введение

Военное дело народов крайнего Северо-Востока Азии издавна привлекает внимание специалистов. Это обусловлено оригинальностью и самобытностью материальной культуры местного населения, а также необходимостью изучения истории освоения края и понимания причин длительного противостояния коренных народов русской администрации. Несмотря на обилие публикаций, посвященных различным сторонам военного искусства коряков, чукчей, юкагиров и других народов [Антропова, 1957; Гурвич, 1966; Зуев, 2005; Нефёдкин, 2014а, б, 2017; Ушницкий, 2014], вопросы, связанные с характеристикой комплекса вооружения, остаются недостаточно изученными. Это связано с ограниченным количеством исследований, посвященных конкретным образцам защитного и наступательного вооружения, морфологический и конструктивный анализ которых позволит не только лучше понять особенности вооружения и его применения, но и проследить его эволюцию, выявить взаимосвязи и пути распространения различных инноваций и традиций.

Одним из актуальных сюжетов является изучение защитного вооружения. Покрой доспеха и применяемые материалы определяли специфичный облик воинов, привлекавший внимание специалистов, оставивших их описания. Относительно конструкции панцирей, сравнительно меньший интерес для исследователей представляли металлические боевые наголовья, которые зачастую рассматривались в комплексе с остальными элементами защитного вооружения. Существует множество свидетельств использования населением Северо-Востока Азии пластинчатых металлических шлемов, однако в контексте данной проблематики наибольший интерес представляют публикации конкретных предметов и их иллюстраций (рис. 1). Так, изображение двух чукотских и двух корякских шлемов были опубликованы В.Г. Богоразом (рис. 1, 3–5, 7, 10) [1901, табл. XII, 2; 1991, рис. 89, 90, б]. Фотографии корякских и чукотских воинов в панцирях и шлемах представлены в работах В.Г. Бо-

гораза и В.И. Иохельсона (рис. 1, 6, 11) [Богораз, 1991, рис. 84; Иохельсон, 1997, рис. 53, 54]. Исходя из сходства рисунков отдельных предметов и шлемов на воинах в защитных комплектах, становится понятно, что отдельные предметы обрисовывались ими с фотографий, напр., чукотский шлем (рис. 1, 6, 7) или корякский (рис. 1, 10, 11). Опубликованные изображения чукотских и корякских воинов в ламеллярных панцирях и шлемах (рис. 1, 1), снимок одного металлического наголовья (МАЭ № 434-10с; рис. 1, 2) из фондов МАЭ РАН и краткое описание конструкции одного шлема из фондов РЭМ представлены в работе В.В. Антроповой [1957, рис. 27–30]. При этом опубликованный шлем из МАЭ визуально схож со шлемом, опубликованным В.Г. Богоразом [1901, табл. XII, 2]. Обобщение сведений о чукотский шлемах представлено А.К. Нефёдкиным, который привлек все приведенные выше изображения и сведения [2017, с. 104–108]. Кроме того, им был опубликован комплекс защитного вооружения (два ламеллярных шлема и панцирь) из Музейного центра «Наследие Чукотки» (г. Анадырь). ЧОКМ-1625, Э-314; ЧОКМ-1627, Э-316 (рис. 1, 13), исходя из музейной легенды, связаны с коряками и восходят к середине XVIII в.; ЧОКМ 2863, Э-477 – чукотский шлем (рис. 1, 12) [Нефёдкин, 2017, с. 106–107, 198; 2020, с. 141–144]. В системе Госкаталог.рф были опубликованы два экземпляра чукотских ламеллярных боевых наголовий, в собранном виде с приведением основных параметров (рис. 1, 8, 9) [Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-22); Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-38)], однако неясно, какой из них мог быть описан В.В. Антроповой.

В связи с вышеизложенным представляет интерес пластина ламеллярного шлема, в настоящее время хранящаяся в фондах Магаданского областного краеведческого музея (инв. № МОКМ НВ-15446/1).

Описание материала

Пластина найдена в 2018 г. в 4,5 км к северу от с. Верхний Парень в ходе поисково-рекогносцировочных маршрутов по всхолмленной денудационно-

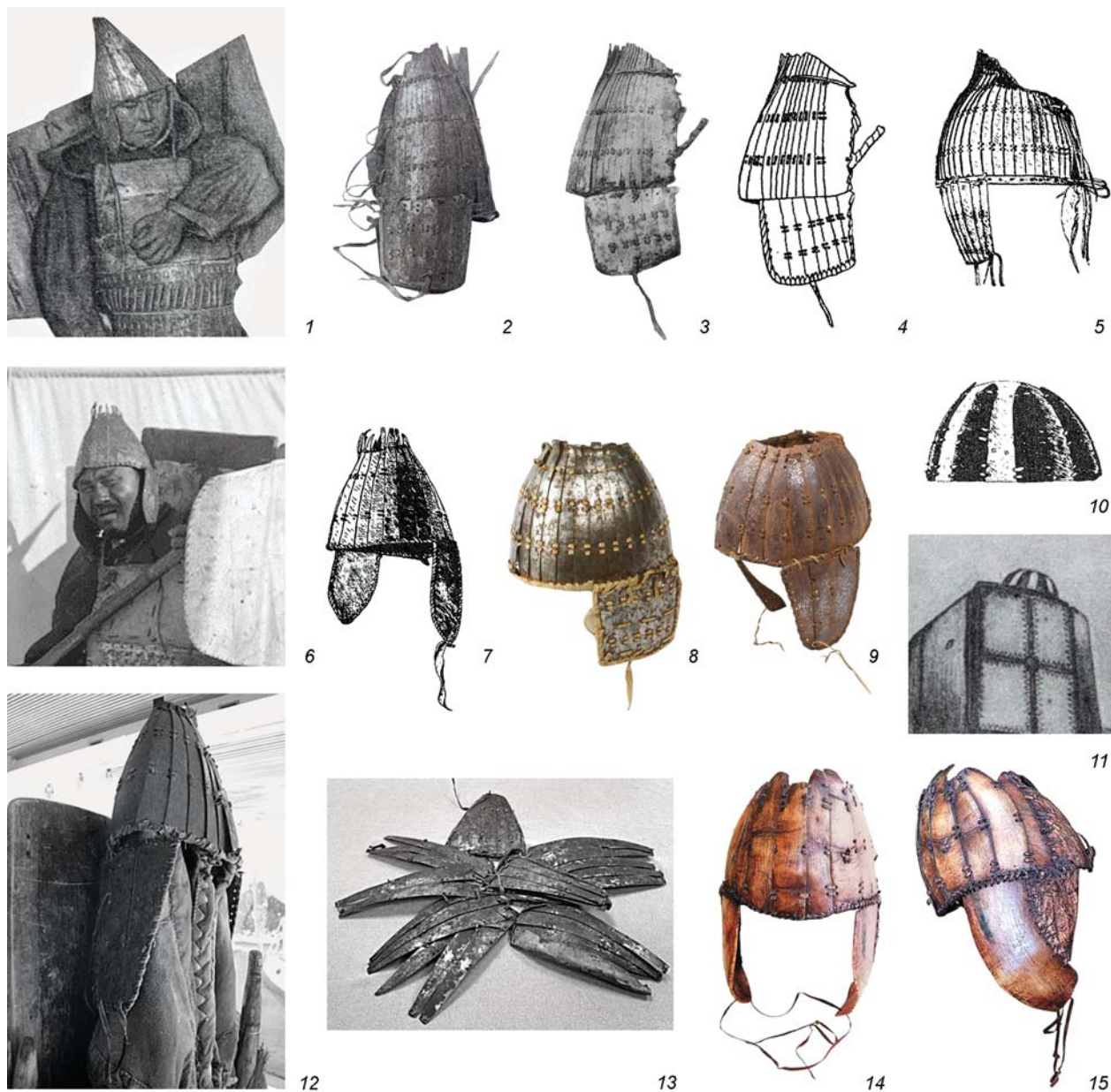

Рис. 1. Корякские и чукотские ламеллярные железные шлемы и их изображения, роговой шлем с территории Камчатки.
 1 – чукотский шлем на манекене (МАЭ, № 434-10с) по: [Антропова, 1957, рис. 27]; 2 – чукотский шлем (МАЭ, № 434-10с) по: [Там же, рис. 28]; 3 – часть чукотского шлема (снимок) по: [Богораз, 1901, табл. XII, 2;]; 4 – часть чукотского шлема (прорисовка) по: [Там же, рис. 90b]; 5 – корякский шлем по: [Богораз, 1991, рис. 89a]; 6 – чукотский воин в шлеме по: [Богораз, 1991, рис. 84a]; 7 – чукотский шлем по: [Богораз, 1991, рис. 89с]; 8 – чукотский шлем РЭМ 4859-38 по: [Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-38)]; 9 – чукотский шлем РЭМ 4859-22 по: [Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-22)]; 10 – корякский шлем по: [Богораз, 1991, рис. 89b]; 11 – корякский воин в шлеме [Иохельсон, 1997, рис. 53]; 12 – чукотский шлем ЧОКМ 2863, Э-477 (Музейный центр «Наследие Чукотки», г. Анадырь) по: [Нефедкин, 2017, с. 198]; 13 – развалившийся корякский шлем ЧОКМ 1627, Э-316 (Музейный центр «Наследие Чукотки», г. Анадырь) по: [Нефедкин, 2017, с. 198]; 14 – роговой шлем с территории камчатки (Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток) по: [Прокопец, 2013, рис. 2, а]; 15 – роговой шлем с территории Камчатки (Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток) по: [Прокопец, 2013, рис. 2, в].

аккумулятивной возвышенности на правобережье р. Кукваям (левый приток р. Парень). Относительные отметки над р. Кукваям 70–80 м. Расстояние до водотока ок. 0,5 км.

Находка сделана на поляне 10 × 5 м, окруженной стлаником (рис. 2, 1). Поверхность полого наклона в сторону Кукваяма, элювиальная, с отдельными

валунами, с несомкнутым ягельным покровом. Пластина лежала у ЮЗ края поляны (рис. 2, 2), в 1,5 м от нее вниз по склону находилась деформированная металлическая оковка от рукояти ножа (44,4 × 19,4 × 10,2 мм; толщина металлической полосы 0,7 мм) (рис. 3, 2), а в 8 м – заметно коррозированная эмалированная кружка. Пластина с остатками окалины

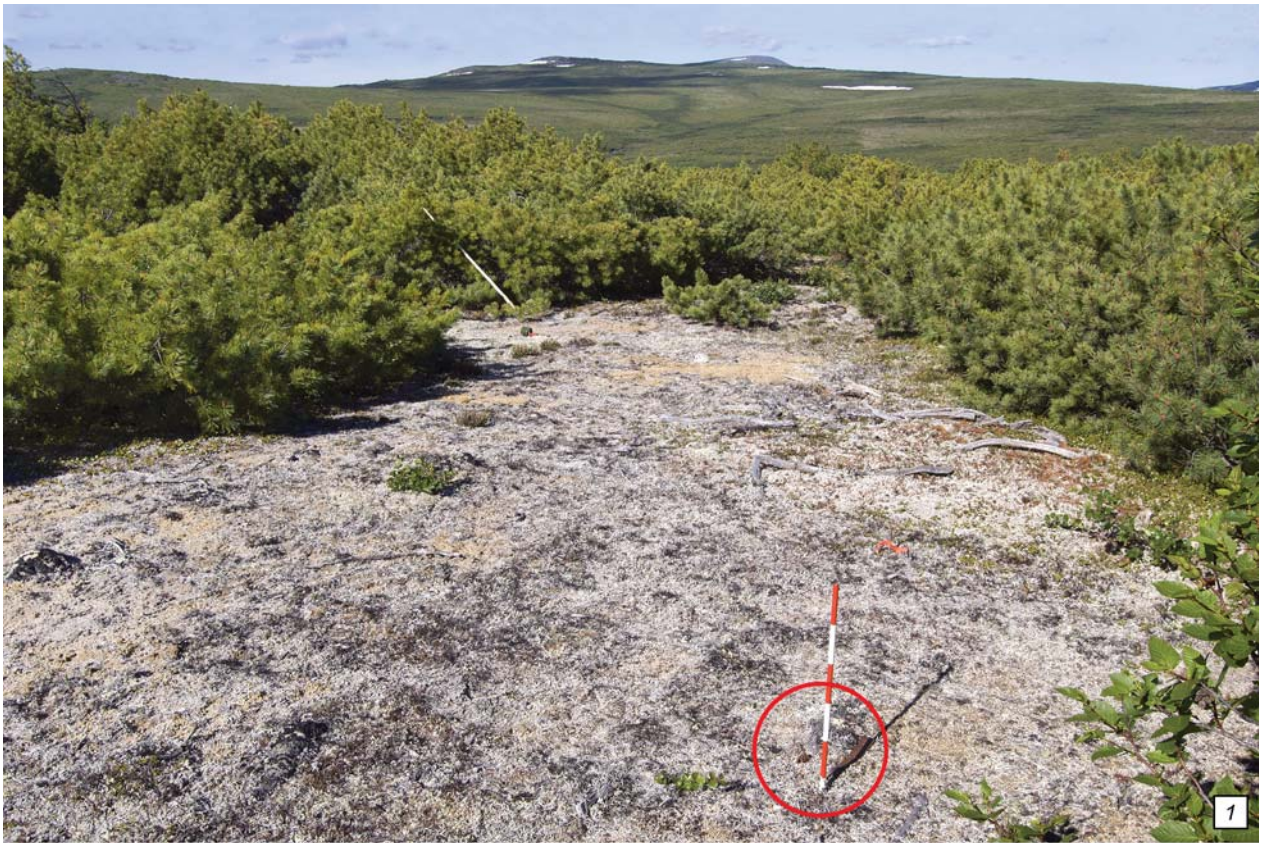

Рис. 2. Место находки пластины ламеллярного шлема МОКМ НВ-15446/1, правый берег р. Кукваям. Фото И.Е. Воробья.
1 – общий вид местности; 2 – пластина в контексте ее обнаружения.

на обеих сторонах, оковка – со следами воздействия огня, кружка – без них. Признаки огнища на дневной поверхности уверенно не различаются.

Вероятнее всего, найденные предметы являются частью сопроводительного инвентаря на месте корякского оленеводческого наземного погребения путем кремации. В пользу этого свидетельствует прежде всего состояние поверхности артефактов (следы

воздействия огня), а также соотнесение этого местонахождения с другими зафиксированными на возвышенности четырьмя пунктами определенно погребального характера: один из них находится в 60 м, другие – на расстоянии от 1,5 до 2,5 км. Их объединяет ограниченная, в пределах первых метров, площадь локализации, металлические артефакты, в общем не выходящие за границы круга известных к настоя-

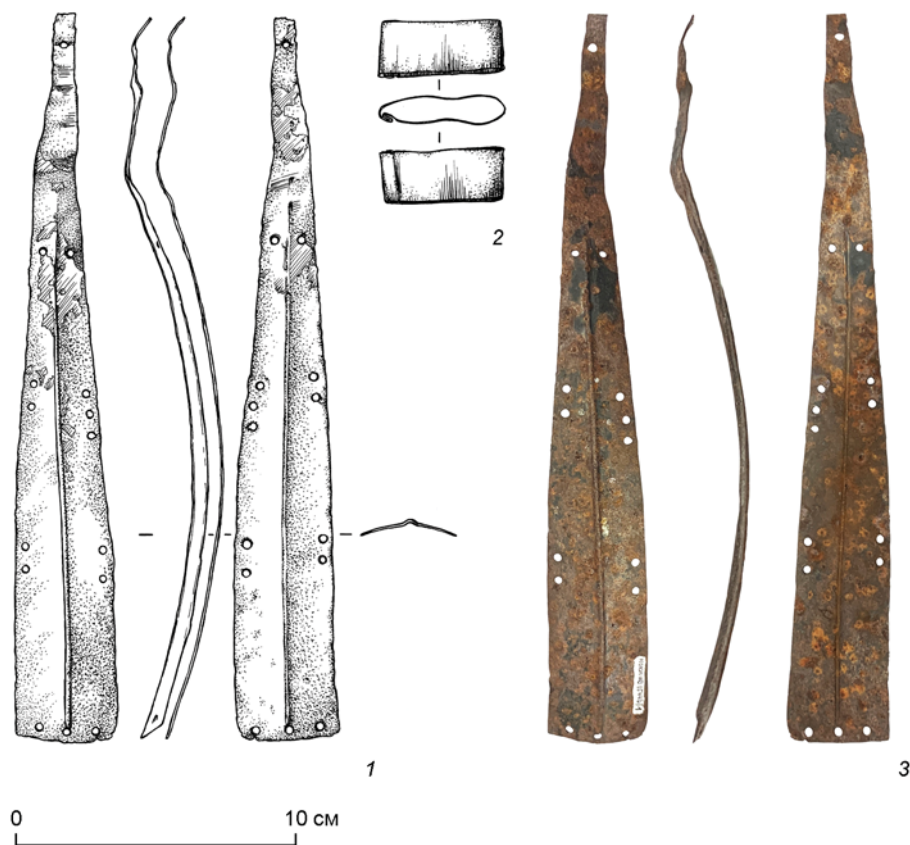

Рис. 3. Пластина ламеллярного шлема МОКМ НВ-15446/1.

1, 3 – пластины; 2 – металлическая оковка рукояти ножа, найденной близ пластины. 1, 2 – рисунки К.В. Штерна; 3 – фото Р.М. Харитонова.

щему времени погребальных корякских вещей, а также следы воздействия огня, сохранившиеся на некоторых предметах. Однако, кроме одного случая, структурные признаки стандартных мест трупосожжения на объектах уже практически не различимы, часть предметов подверглась воздействию склоновых процессов. Естественно, что на поверхности наблюдается не весь инвентарный комплекс. Пока все эти пункты, включая пункт с находкой пластины, можно датировать первой половиной XX в. Косвенным образом в пользу данного предположения может говорить и согласованность локализации отдельных артефактов и их концентраций с рисунком, созданным открытыми площадками и их растительным обрамлением: находки всех предметов сделаны на незаросших полянах.

Пластина имеет вид удлинённой трапеции (рис. 3, 1, 3). Как отмечалось выше, на обеих поверхностях пластины наблюдаются остатки окалины. Длина 26 см, ширина у широкого края 3,6 см, у противоположного узкого 0,7 см, толщина металла варьирует от 0,1 до 0,15 см. Пластина S-образно изогнута по форме тульи наголовья: 20 см от широкого края наблюдается равномерный дугообразный изгиб, далее пластина резко изгибается в противоположную сторону и до узкого окончания практически прямая. В сечении пластина слабоизогнутая (выпуклая в направлении

внешней поверхности). По центру пластины вдоль 18 см от широкого края на внешней поверхности выражено ребро жесткости, шириной ок. 0,2 см, высотой ок. 0,15 см, на внутренней поверхности наблюдается соответствующее ребро углубление.

Пластина оснащена 15 округлыми отверстиями, диаметром ок. 0,25 см. Три отверстия расположены вдоль широкого окончания пластины, одно – по центру противоположного узкого края. Остальные отверстия сгруппированы вдоль длинных сторон пластины, причем такие группы расположены напротив (от широкого окончания): 2, 2 и 1 на левой стороне пластины (относительно внешней поверхности с ребром жесткости); 2, 3 и 1 на правой стороне соответственно. Расстояние между группами отверстий варьирует от 3,5 до 5,0 см, между сгруппированными отверстиями от 0,4 до 0,7 см.

Обсуждение

Шлемы, образованные одним рядом узких вертикальных пластин, известны человечеству с глубокой древности: они бытовали у гиксосов, финикийцев, «народов моря» [Бобров, Худяков, 2008, с. 453]. На востоке Азии узкопластинчатые наголовья фиксируются в материалах сяньби (II–III вв.), широкое

применение они получили в сяньбийских государствах Северного Китая IV–VI вв. [Там же]. В эпоху раннего Средневековья такие шлемы применяли тюрки и авары, развитого – жители китайских и центральноазиатских государств, в особенности чжурчжэни [Там же]. Важно отметить, что некоторые образцы сяньбийских ламеллярных шлемов полностью аналогичны по форме тульи сфероконическим и коническим чукотским и корякским шлемам [Бобров, Худяков, 2005, с. 137–139, рис. 11]. В период позднего Средневековья применение таких шлемов продолжилось и фиксируется на территории Центральной Азии и Дальнего Востока [Бобров, Худяков, 2008, с. 453].

У чукчей и коряков зафиксировано несколько разновидностей шлемов [Нефёдкин, 2017, с. 107–108], однако представляется, что ламеллярные узкопластинчатые шлемы являются наиболее популярной разновидностью боевых наголовий населения крайнего Северо-Востока Азии. В распоряжении исследователей есть единичные образцы чукотских и корякских шлемов и их изображения (см. рис. 1). Анализ этих предметов позволяет предположить, что наиболее популярной была конструкция шлемов, состоящая из сфероконической или конической тульи с наушниками. Это также подтверждается свидетельствами исследователей, ранее изучавших данный вопрос [Богораз, 1991, с. 101; Нефёдкин, 2017, с. 104–108]. Именно одной из деталей тульи сфероконического шлема и является выявленная пластина. Аналогичные детали накладывались поочередно одна на другую и скреплялись между собой кожаными ремешками. Верхняя часть наголовья оставалась открытой, по нижней располагался кожаный «обод», скреплявший все составные части тульи.

Схожая конструкция наблюдается на примере рогового шлема из Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока (г. Владивосток), тулья которого состоит из 11 пластин с наушниками (см. рис. 1, 14, 15) [Прокопец, 2013, с. 106–107].

По мнению А.К. Нефёдкина, подобные шлемы «были предназначены, в первую очередь, не для противодействия рубящему или дробящему удару, но для защиты головы от стрел и копий» [2017, с. 104–105]. При этом боевые наголовья «чукчи носили не особо часто» и даже при использовании доспехов могли обходиться только защитным щитом [Там же].

Датировка изготовления и использования пластины в шлеме весьма затруднена. Археологический контекст свидетельствует о том, что пластина связана с погребальной обрядностью, а не была утеряна. При этом нет веских оснований считать, что в сожжении участвовал целый шлем. Наблюдения 2015–2018 гг. за приготовленными и хранимыми корякскими погребальными наборами показывают, что присутствие в них не целостных вещей, а их деталей само по себе не является необычным, причем эти

детали попадают в них разными путями. Нередкими являются в палеоазиатской среде и находки к югу от р. Анадырь металлических панцирных пластин: например, у чукчей в ваежской тундре [Нефёдкин, 2020] или на р. Майнгылвэгыргын на востоке Корякского нагорья (МОКМ КП-17726/1-14). В то же время, нам пока не известны ни находки отдельных металлических пластин от шлемов, ни использование разрозненных деталей металлического ламеллярного защитного вооружения в палеоазиатской погребальной практике. Кроме того, не является редким и помещением в корякский погребальный набор «старинных» предметов, вплоть до ружейного кремня и каменных бифасов (см., напр.: [Воробей, Хаховская, Митько, 2020]).

Условно возраст пластины может быть обозначен серединой XVIII – началом XIX в. Нижняя хронологическая граница обусловлена особенностями применяемого материала. А.К. Нефёдкин упоминал железные ламеллярные шлемы у тунгусов [2014а, с. 109; 2014б, с. 223]. По его мнению, применение железа для изготовления пластин боевых наголовий характерно для XVIII в., тогда как в XVII в. «шлемы изготавливались в основном из костяных пластин» [Нефёдкин, 2014б, с. 223]. Кроме того, А.К. Нефёдкин считает, что до середины XVIII в. (несколько ранее третьей четверти XVIII в.) «железные доспехи не были еще распространены у коряков» [2020, с. 144]. Представляется, что к началу XIX в. практика применения и тем более изготовления защитного вооружения подобного типа сходит на нет в связи с отсутствием необходимости его применения [Антропова, 1957, с. 202]. После этого доспехи хранились как семейные святыни и использовались в ритуальной практике: например, В.И. Иохельсон писал о том, что на оленьих бегах для забоя жертвенного оленя в доспех облачался его хозяин [Jochelson, 1905, р. 88, 562].

Оригинальной особенностью выявленной пластины является наличие продольного ребра жесткости, поскольку на имеющихся изображениях корякских и чукотских шлемов такой элемент отсутствует. В свою очередь, такие ребра жесткости встречаются на центральноазиатских изделиях, в частности, тибетских [Бобров, Худяков, 2008, с. 417–418]. Это позволяет предположить, что данная пластина могла являться деталью центральноазиатского шлема, однако уверенно говорить об этом нельзя в связи с малочисленностью находок чукотских и корякских доспехов.

Вопрос о происхождении ламеллярной брони у населения крайнего Северо-Востока Азии остается неоднозначным. В свое время данная проблема была подробно рассмотрена В.В. Антроповой. Она привела основные существующие на этот счет мнения специалистов, обозначив несколько основных гипотез появления и распространения пластинчатых панцирей у населения крайнего Северо-Востока Азии: автохтонная, распространение из Японии, из Северной Америки, влияние южносибирских культур [1957,

с. 215–220]. Относительно железных панцирей у чукотско-корякской группы В.В. Антропова пишет: «Вполне возможно, что железный панцирь был известен на северо-востоке еще до прихода русских, но широкое его распространение, несомненно, связано с проникновением русского железа» [Там же, с. 220]. Из специалистов более позднего времени этот вопрос также поднимал А.К. Нефёдкин. По его мнению, железные ламеллярные доспехи произошли от костяных прототипов, которые бытовали задолго до распространения железа [Нефёдкин, 2017, с. 107–108], таким образом «типологически железные доспехи восходят к костяным, где металлические пластинки сменили костяные» [Нефёдкин, 2020, с. 144].

Ламеллярные металлические узкопластинчатые шлемы характерны для сяньби и чжурчжэней. Интерес представляет сравнение куквямской пластины с находками чжурчжэньских пластин из Корсаковского могильника VI–XI вв. [Медведев, 1981, с. 172–184]. Они имеют несколько больше сгруппированных отверстий и незначительно меньше по размеру, однако сходство морфологии с куквямской пластиной очевидно: они трапециевидные, по краям длинных сторон оснащены группами отверстий, схожа форма тульи, о которой свидетельствует боковой изгиб пластин. На настоящий момент сложно представить основные пути распространения ламеллярных узкопластинчатых шлемов, и тем более неправомерно связывать железные чукотские и корякские изделия напрямую с сяньбийскими и чжурчжэньскими образцами, однако связь между ними представляется весьма допустимой. Это актуализирует схожесть гяляцких и чукотских шлемов, отмеченную В.Г. Богоразом [1997, с. 101]. Не исключено, что именно в материальной культуре тунгусо-маньчжурского населения сложилась традиция изготовления узкопластинчатых железных шлемов, продолжающая тенденции развития сяньбийских образцов, оказавшая колоссальное влияние на формирование конструкции наголовий населения крайнего Северо-Востока Азии. Однако трудно не согласиться с мнением о широком распространении железной ламеллярной брони с приходом русских.

Основываясь на вышесказанном, можно предположить, что основные принципы конструирования узкопластинчатых ламеллярных шлемов были заимствованы населением крайнего Северо-Востока Азии посредством культурных контактов у чжурчжэней Приамурья. Однако особенности материальной базы обусловили реализацию этих принципов без применения железа (для изготовления пластин изготавливались рог, кость и пр.). После широкого распространения железа в XVIII в. пластины шлемов стали изготавливаться из металла по распространенным образцам из натуральных материалов, при этом, вероятнее всего, конструкция практически не изменилась. Это и объясняет сходство приамурских и североазиатских железных узкопластинчатых шлемов,

не исключая происхождения последних от роговых и костяных «предшественников».

Нельзя исключать и вариант автохтонного развития узкопластинчатых ламеллярных шлемов у населения крайнего Северо-Востока Азии, однако сходство с средневековыми приамурскими материалами не вызывает сомнений.

Кроме того, на настоящий момент не вполне понятно, насколько правомерно рассматривать вопросы эволюции ламеллярной защиты корпуса и узкопластинчатых наголовий совместно. Не исключено, что способы формирования конструкций панцирей и шлемов могут иметь разные истоки, даже при сходстве способов крепления пластин. Тем не менее представленные рассуждения требуют дальнейшей разработки проблематики, в частности анализа формы пластин и выявления основных эволюционных закономерностей их видоизменения, в совокупности с поиском аналогий в широкой исторической перспективе.

Заключение

Описанная пластина является оригинальным примером элемента корякского железного узкопластинчатого ламеллярного шлема середины XVIII – начала XIX в. С одной стороны, данная находка отражает основные тенденции в конструировании тульи корякских и чукотских шлемов того времени, когда в распоряжение местного населения попадает массово железо, с другой – имеет выделенное ребро жесткости, не встречающееся на изделиях отмеченного населения, но находящее аналоги на центральноазиатских предметах эпохи позднего Средневековья. По своей морфологии описанная пластина сходна с находками из средневековых археологических комплексов Приамурья. Это позволяет актуализировать вопросы эволюции, путей распространения и влияния оружейных традиций, а также конструирования элементов вооружения населения крайнего Северо-Востока Азии.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии», <https://rscf.ru/project/22-18-00319/>

Список литературы

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1957. – Вып. II. – С. 99–245. – (Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер., т. 35).

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–V вв. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – С. 80–199.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – 776 с.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 222 с.

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской академии наук. – СПб.: Имп. акад. наук, 1901. – 65 с. – (Сб. МАЭ, т. 1, вып. 2).

Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Дополнительные сведения о комплексах ударной огнедобычи в погребальной практике коряков Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – № 66. – С. 164–171.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 269 с. – (Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер., т. 89).

Зуев А.С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект: вторая половина XVII – XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Томск, 2005. – 48 с.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 1997. – 237 с.

Медведев В.Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 172–184.

Нефёдкин А.К. Военное дело ламутов в XVII–XVIII вв. // ЭО. – 2014а. – № 5. – С. 104–120.

Нефёдкин А.К. Защитное вооружение тунгусов в XVII–XVIII вв. // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего Средневековья. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2014б. – С. 221–225.

Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия. – М.: Яуза, 2017. – 496 с.

Нефёдкин А.К. Панцирные пластины из Южной Чукотки // PARABELLUM novum. – 2020. – № 12 (45). – С. 139–144.

Прокопец С.Д. Ительменский доспех из собраний ПГОМ им. В.К. Арсеньева // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – 2013. – № 1/2. – С. 106–109.

Ушницкий В.В. Борьба юкагиров против колониального завоевания // На перекрестке континентов: мат-лы XXXI Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камчатская краевая научная библиотека им. С.П. Крашенинникова, 2014. – С. 345–349.

Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-22) // Госкаталог.рф. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29431299> (дата обращения: 23.10.2024).

Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-38) // Госкаталог.рф. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29130035> (дата обращения: 23.10.2024).

Jochelson W. The Koryak. – Leiden: E.J. Brill ltd., N. Y.: G.E. Stechert, 1905. – 842 p. – (Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History, vol. 6. pt. I–II).

References

Antropova V.V. Voprosy voennoi organizatsii i voennogo dela u narodov krainego severo-vostoka Sibiri. In *Sibirskii etnograficheskii sbornik*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1957. Vol. 2. P. 99–245. (Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, vol. 35). (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Voennoe delo syan'biiskikh gosudarstv Severnogo Kitaya IV–V vv. In *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2005. P. 80–199. (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2008. 776 p. (In Russ.).

Bogoraz V.G. Material'naya kul'tura chukchei. Moscow: Nauka, 1991. 222 p. (In Russ.).

Bogoraz V.G. Oчерk material'nogo byta olenykh chukchei, sostavlenniy na osnovanii kolleksii N.L. Gondatti, nakhodyashchikhsya v Etnograficheskom muzee Imperatorskoi akademii nauk. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1901. 65 p. (In Russ.).

Gurvich I.S. Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, vol. 89). (In Russ.).

Jochelson W. The Koryak. Leiden: E.J. Brill ltd., N. Y.: G.E. Stechert, 1905. 842 p. (Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History. Vol. 6. Pt. I–II).

Jochelson W.I. Koryaki. Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya. St. Petersburg: Nauka, 1997. 237 p. (In Russ.).

Medvedev V.E. O shleme srednevekovogo amurskogo voina (tainik s ostatkami dospekha v Korsakovskom mogil'nike). In *Voennoe delo drevnykh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 172–184. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Pantsirnye plastiny iz Yuzhnoi Chukotki. *PARABELLUM novum*, 2020. No. 12 (45). P. 139–144. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Voennoe delo chukchei. Pervaya illyustrirovannaya entsiklopediya. Moscow: Yauza, 2017. 496 p. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Voennoe delo lamutov v XVII–XVIII vv. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014a. No. 5. P. 104–120. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Zashchitnoe vooruzhenie tungusov v XVII–XVIII vv. In *Voinskie traditsii v arkhelogicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya*. Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik “Куликово поле” Publ., 2014b. P. 221–225. (In Russ.).

Prokopets S.D. Iteľmenskii dospekh iz sobranii PGOM im. V.K. Arsen'eva. *Batyr. Traditsionaya voennaya kul'tura narodov Evrazii*, 2013. No. 1/2. P. 106–109. (In Russ.).

Shlem. Chukchi (RME 4859-22) // Goskatalog.rf. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29431299> (Accessed: 23.10.2024). (In Russ.).

Shlem. Chukchi (RME 4859-38) // Goskatalog.rf. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29130035> (Accessed: 23.10.2024). (In Russ.).

Ushnitskii V.V. Bor'ba yukagirov protiv kolonial'nogo zavoevaniya. In *Na perekrestke kontinentov: materialy XXXI Krashennikovskikh chtenii*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatskaya kraevaya nauchnaya biblioteka imeni S.P. Krashennikova Publ., 2014. P. 345–349. (In Russ.).

Vorobei I.E., Khakhovskaya L.N., Mit'ko O.A. A new information about fire-making apparatus in the funeral practice of Koryaks of North–even district, Magadan region. *Vestnik Tomsk State Univ. Ser.: Istoriya*, 2020. No. 66. P. 164–171. (In Russ.).

Zuev A.S. Prisoedinenie krainego Severo-Vostoka Sibiri k Rossii: voenno-politicheskii aspekt: vtoraya polovina XVII–XVIII v.: doc. sc. (history) dissertation abstract. Tomsk, 2005. 48 p. (In Russ.).

Харитонов П.М. <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

Воробей И.Е. <https://orcid.org/0000-0002-4040-7150>

Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.